

К Р О К О Д И Л

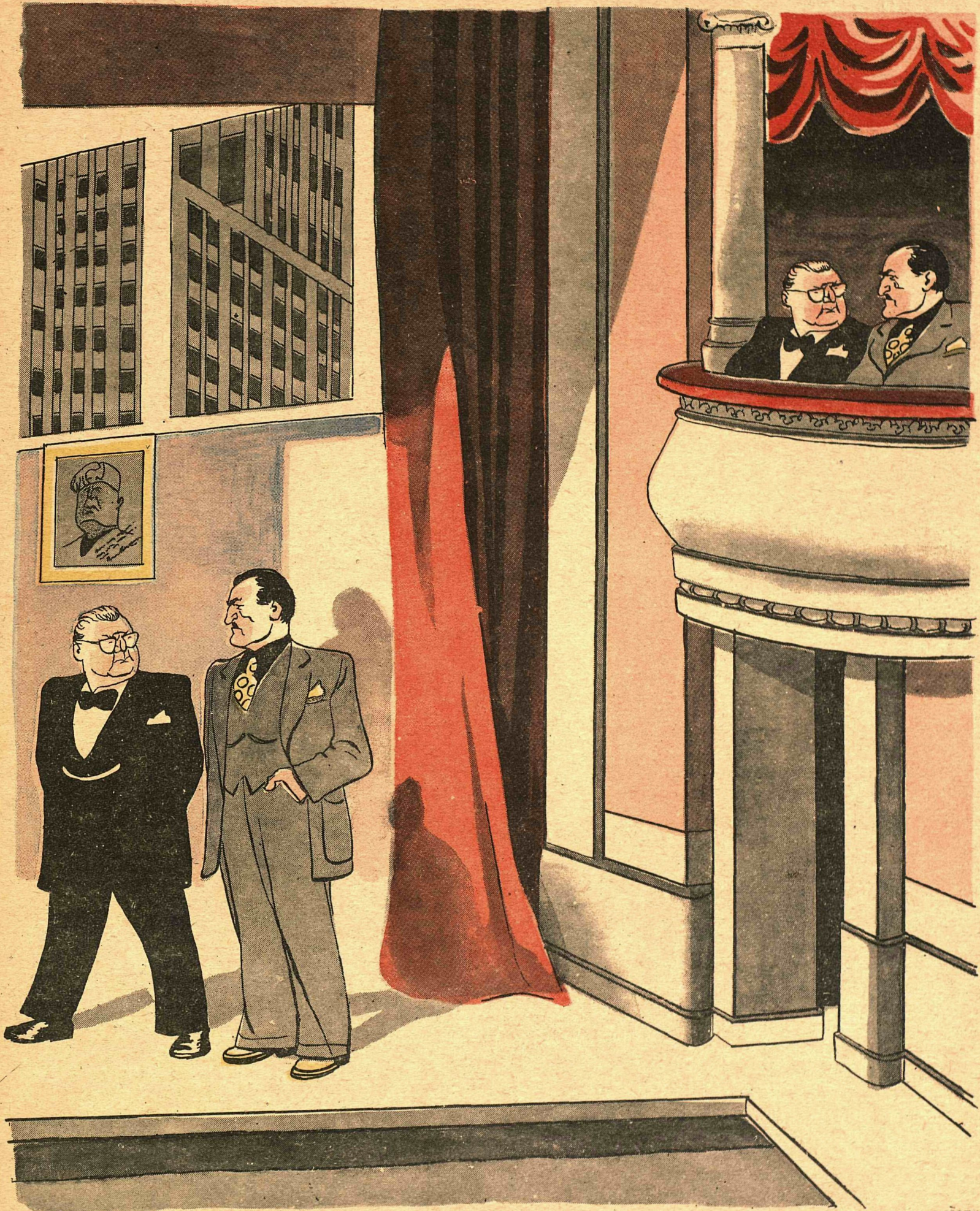
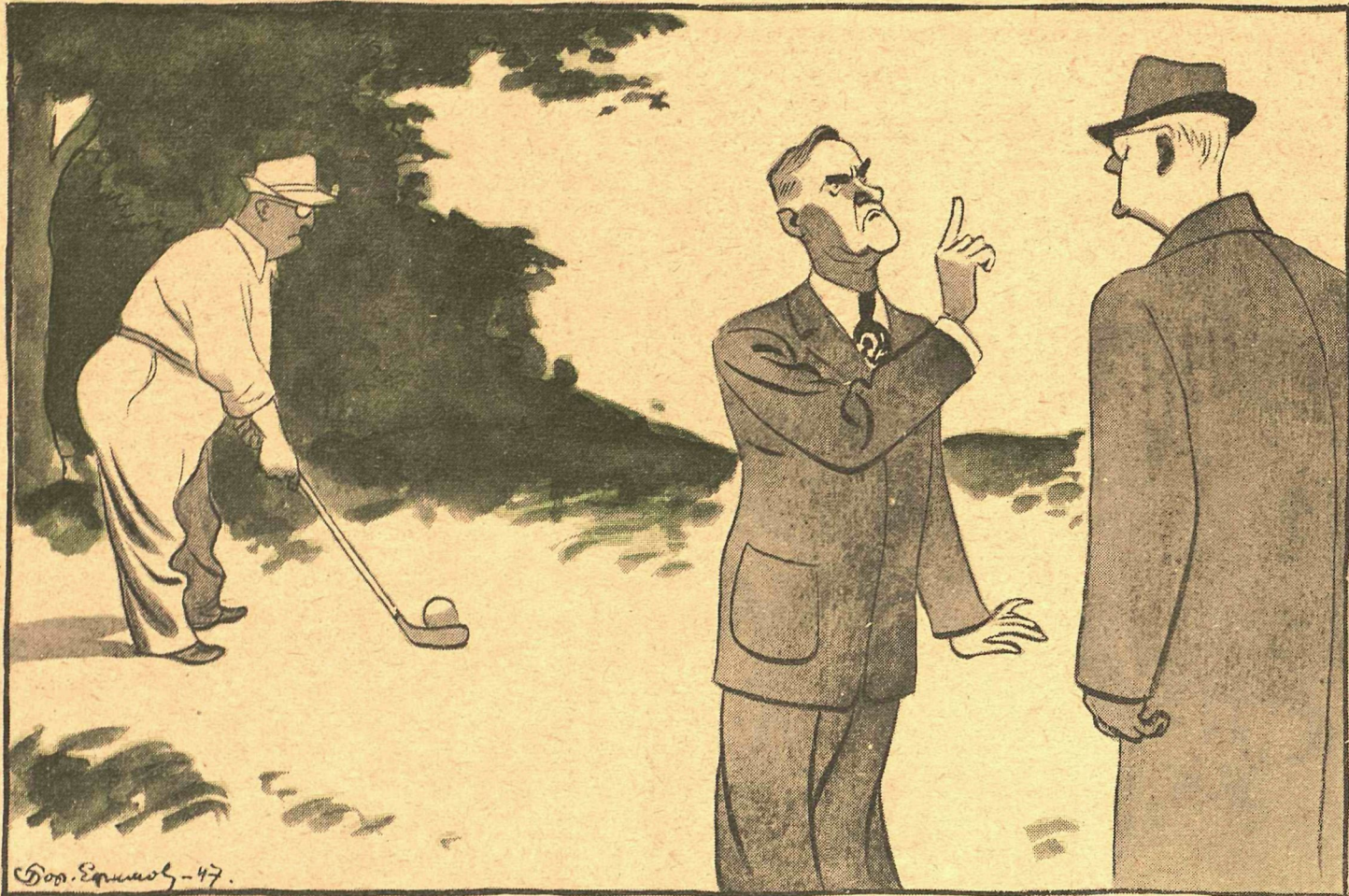

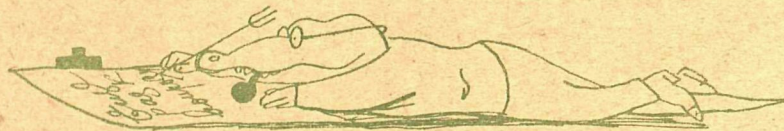
Рис. Бор. ЕФИМОВА

НА СПЕКТАКЛЕ «РУССКИЙ ВОПРОС»

В ЛОЖЕ (первый журналист — второму): — Не зря я писал в своей газете, что Симонов совершенно не знает американской печати! Ну, скажите, мистер, где он мог видеть таких журналистов, как эти двое?

— Не мешайте мистеру Уроджеру. Он спешит закончить партию в гольф, после чего должен срочно написать телеграмму из Шанхая о том, что, по сведениям португальской печати, албанцы концентрируют войска на греческой границе.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ о хорошем Еремееве и плохом Ерофееве

ГАЗЕТА «Ленинец», издающаяся в Темиргоевском районе, Краснодарского края, недавно сделала попытку напечатать маленький фельетон. Вот оно перед нами, это не увидавшее света произведение.

Говорится в фельетоне о недовесе и недоливе, то есть об обмане потребителей в чайной и в лавках райпотребсоюза. Приведены конкретные факты и конкретные фамилии.

Заведующий отделом агитации и пропаганды райкома тов. Фоменко, проведая о таком событии (имеется в виду не хищение в чайной, а возможность появления фельетона в газете), немедленно потерял душевное равновесие. В маленьком произведении он усмотрел великую беду. И настоял, чтоб фельетон сняли. На том основании, что фельетон «искажает лицо советской торговли».

Позабывшись о лице советской торговли, темиргоевский «цензор» небрежно отнёсся к собственному лицу.

К лицу ли руководящему районному работнику полагать, что негодные поступки двух-трёх продавцов райпотребсоюза могут хоть в какой-нибудь мере опорочить всю многотысячную армию работников прилавка?..

Забудем на мгновение о темиргоевской чайной. Предположим, что в фельетоне нарисован отрицательный тип продавца и автор вовсе не привёл его фамилии или же дал ему какое-нибудь вымышленное имя.

Ведь вся художественная литература кишмя кишит вымышленными именами; почему не может позволить себе такую роскошь и фельетонист? В данном случае наш Ювенал направляет свои стрелы не против того или иного человека, а против отрицательного явления.

И вот я, работник прилавка, прочитал фельетон или рассказ о том, что в городе Н. работник прилавка Н. Н. совершил деяние, предусмотренное такой-то статьёй Уголовного кодекса. Почему же я, скромный и честный работник прилавка, должен отнести на свой счёт проступок этого Н. Н. из города Н.?

* * *

К чему мы повели весь этот разговор? Дело в том, что порою попадают люди, которые с превеликой охотой и не меньшим пафосом твердят по любому поводу об «огульном охаивании».

Узрит такой дядя в комедии, фельетоне или юмористическом рассказе милиционе-

ра, прокурора, лейтенанта, директора завода, инженера — и тотчас же окрестности оглашаются вопиющим криком:

— Обобщение! Огульное охаивание милиционеров, директоров, лейтенантов!

Конечно, в описании недостатков, отрицательных качеств отдельных наших граждан всё зависит от политического чутья и художественного такта литератора.

Мы с негодованием отвергаем зощенковскую мадеру «вселенской смази», когда нелепо и карикатурно изображаются все советские люди, когда отрицательные черты отдельных, наиболее отстающих граждан переносятся на всех советских людей, на всё наше общество.

Мы решительно отбрасываем в сторону как чуждый природе нашего смеха всякий зубоскальный мусор. Мы за здоровый, жизнеутверждающий смех. Мы за сатиру и юмор, которые, как и песня, нам жить и строить помогают.

Когда садимся писать комедийное или сатирическое произведение, перед нами должны возникать слова товарища Жданова:

«Отбирая лучшие чувства и качества советского человека, раскрывая перед ним завтрашний его день, мы должны пока-

зять в то же время нашим людям, какими они не должны быть, должны бичевать пережитки вчерашнего дня, пережитки, мешающие советским людям идти вперёд...»

Позволим себе задать один вопрос всем страдающим критикобоязнью и громко стенающим об «огульном охаивании». Мы задаём этот вопрос и тем, кто, по нашему мнению, искренно заблуждается, и тем, кто действует перестраховки ради, и тем, кто старается щегольнуть сверхбдительностью.

Вопрос таков: с какой стати хороший Еремеев или Ерофеев должен принять на свой счёт то, что пишется о плохом Ерофееве или Еремееве?

Если, скажем, учитель или слесарь совершит какой-нибудь героический подвиг, никто не вздумает размельчить этот подвиг на дольки и раздать их в качестве гостинцев всем учителям или слесарям. Почему же находятся товарищи, которые с такой обидной лёгкостью раскладывают в виде подушного налога поступок какого-нибудь бракодела или казнокрада на всех людей его профессии?

Забывать не следует: у нас нет ни рантье, ни капиталистов, ни помещиков. У нас каждый человек является представителем какой-нибудь профессии, трудовой и почётной. Наши юмористы и сатирики пишут о живых людях, а не о бесплотных призраках или огородных чучелах. И вполне естественно, что в каждом таком произведении затрагиваются представители какой-нибудь специальности.

Характерен случай с Аринкой из комедии А. Корнейчука «Приезжайте в Звонковое».

Когда отрывок из этой комедии появился в печати, редакция получила несколько сердитых писем. Можно ли, дескать, показывать в таком непривлекательном виде девушку-фронтовичку, какой является Аринка? Не есть ли это поклёп на всех тех советских девушек, которые на фронте с такой беззаветностью и т. д. и т. п.?

Аринка побывала в Румынии и увлеклась там «кабаретной культурой» и прочей «заграничной» мишурой. Есть такие факты? Есть. Водятся ли ещё у нас кое-где Аринки? Да.

Драматург зач высмеял Аринку с её так называемыми «европейскими» побрякуш-

ками. Пусть обижаются те немногие, которые похожи на Аринку. А огромное большинство фронтовичек высмеивает «кабареты» Аринки и смеётся над теми, кто посмел хоть на миг подумать о том, что Аринка может поколебать любовь и уважение советского человека к отважным участникам Великой Отечественной войны.

* * *

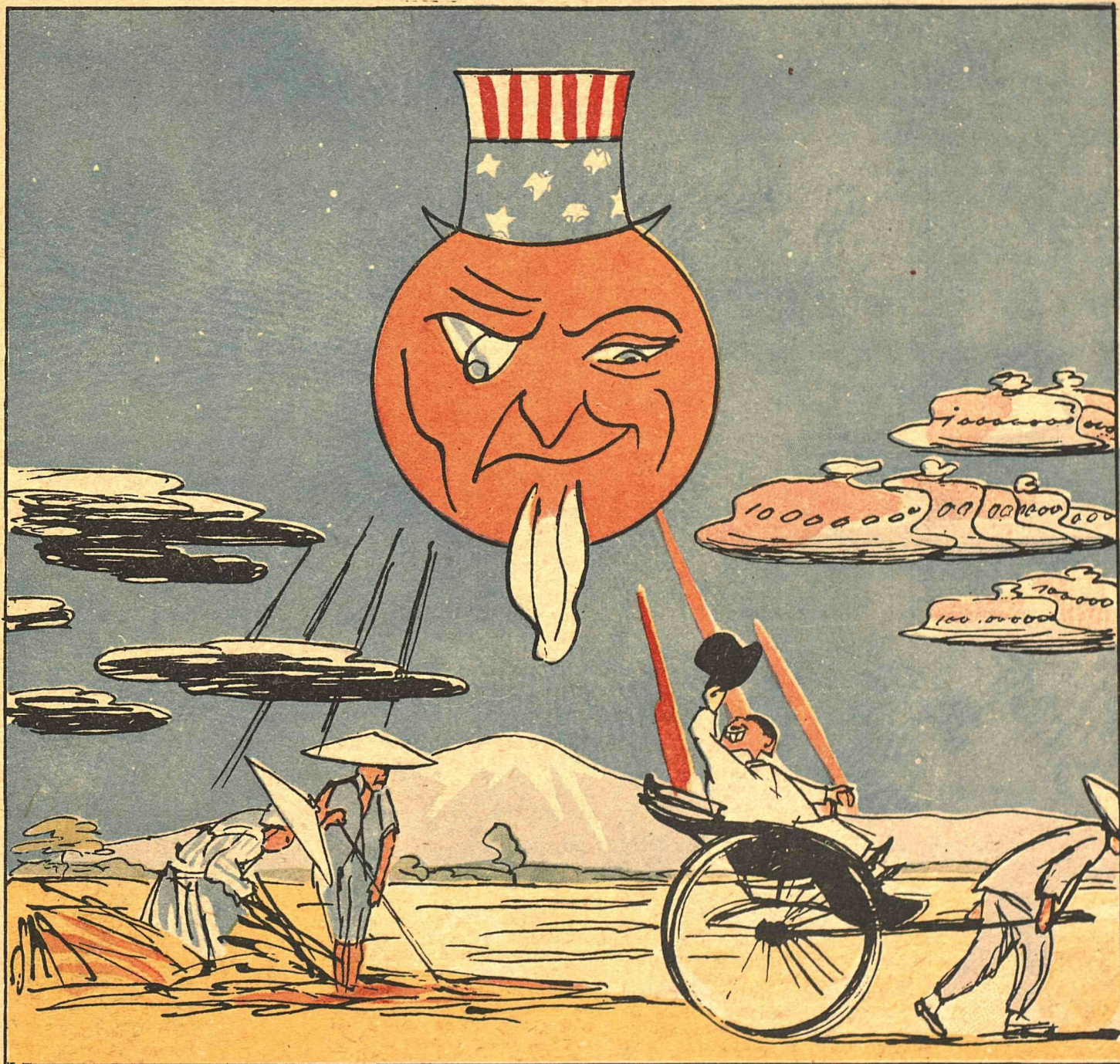
Ни даме просто приятной, ни даме приятной во всех отношениях Гоголь не дал фамилии. Николай Васильевич объяснил это следующим образом:

«Какое ни придумай имя, уж непременно найдётся в каком-нибудь углу нашего государства, благо велико, кто-нибудь носящий его, и непременно рассердится не на живот, а на смерть... Достаточно сказать только, что есть в одном городе глупый человек... вдруг выскочит господин почтенной наружности и закричит: «Ведь я тоже человек, стало быть, я тоже глуп...»

Но что дозволено было почтенному господину в гоголёвское время, не к лицу уважаемому товарищу в наши дни.

Г. РЫКЛИН

Рис. Л. ВРОДАТЫ

В стране нового восходящего солнца.

ФЕСТИВАЛЬ В ГОРОДЕ Н.

Под сенью пирамидальных тополей в прохладном парке южного города Н. расположилось фундаментальное фанерное сооружение с тяжёлой стеклянной вывеской над входом — «Городская филармония».

Из раскрытых окон филармонии доносились голоса, смех, обрывки мелодий. Музыкально-художественный организм жил своей сложной, беспокойной жизнью.

В кабинете директора стояла тишина. Самого товарища Мамайского ещё не было. Лёгкий ветерок перелистывал афиши гастролёров. В центре кабинета, на самом видном месте, стоял глиняный бюст великого химика Менделеева. Химией товарищ Мамайский не занимался. Бюст попал в кабинет случайно. Агент по снабжению Кувалдин приобрёл бюст в комиссионном магазине за триста рублей, приняв творца периодической системы элементов за композитора Глинку. В дальнейшем Кувалдин закрепил своё смелое предположение в инвентарной описи директорского кабинета короткой формулой: «Глинка — один».

Итак, в кабинете товарища Мамайского царил тишина. Внезапно отворилась дверь и в кабинет вошёл директор. Печать вдохновения лежала на его челе. Мамайский сел за стол и нажал кнопку звонка, одновременно крикнул: «Поля!» — так как звонок не работал.

В кабинет вошла секретарь-стенографистка Поля Куликова — пухлая девица с волосами цвета соломы.

— Идите в бухгалтерию и принесите мне ведомость на зарплату.

Поля исчезла и через мгновение появилась с ведомостью. Это был том, не уступающий по своему объёму телефонной книге большого города.

«Катастрофическое раздутие штатов» — суховатая фраза с юридическим колоритом как нельзя более точно могла бы обрисовать положение дел в дебрях городской филармонии.

Однако недюжинный дар комбинатора помог Мамайскому создать произведение, в котором административно-хозяйственные персонажи получили новые наименования, чарующие своим многообразием.

Не предусмотренному штатами гражданину Зацепе Ф. Ф. была придана звонкая профессия музыкального эксцентрика.

Нелегальные шофёры директора братья Кирилл и Мефодий Зуевы именовались кратко и несколько интригующе: «Мраморные люди».

Плановик Панибратский С. П. значился в ведомости как инспектор оркестра. Трудные творческие задачи, стоящие перед Панибратским, несколько облегчались, правда, отсутствием оркестра.

— Всё как в лучших домах! — бодро сказал Мамайский, обращаясь к Менделееву.

Но Менделеев, обиженный на Кувалдина, упорно молчал.

— Скоромник М. Ю., — читал Мамайский, — начальник сектора оригинальных жанров.

В сектор оригинальных жанров входили штатные чародеи, престиждитаторы, укротители змей (малой ядовитости). Последняя приписка была сделана по требованию охраны труда. Здесь же значились солисты на пиле, на бутылках, на медных плашках и на прочих предметах, имеющих непреодолимое тяготение к утилю.

Следующим в списке шёл внеплановый билетный агент Казак Ю. С. Этот немолодой уже человек с печальными глазами серны именовался лаконично и всеобъемлюще: «Артист».

Мамайский иронически покачал головой:

— Артист. Подумаешь, тоже Росси! — сказал он, имея в виду Моисси.

Названный артистом, Казак Ю. С. был весьма далёк от артистической деятельности. Он довольствовался скромной ролью гонца за железнодорожными билетами и владельца огорода, возделыванием которого он и занимался, когда во двор влетела запыхавшаяся Поля Куликова.

— Товарищ Казак, — сказала Поля, — возьмите себя в руки. Из Москвы приехала комиссия по поводу штатов. Комиссия просматривала штаты. С административным персоналом было всё благополучно. Всего шесть фамилий.

Но, что касается артистов, то председатель комиссии сказал, что его очень интересуют артисты.

— Ну и что? — спросил Казак.

— Они хотят посмотреть и послушать наших артистов. А вы же знаете, что среди наших артистов...

— Короче, — сказал Казак с нарастающей тревогой.

— Теперь картина такая. Завтра комиссия будет слушать вас, как артиста.

Казак огустился на грядку с редиской.

— Возьмите себя в руки, — сказала Поля. — Мамайский просит, чтобы вы его не подвели. Срочно готовьте репертуар.

С этими словами Поля Куликова исчезла.

«Артист» Казак поднялся с грядки. Он понял, что нужно действовать. И действовать немедленно.

Большую часть номеров в городской гостинице занимали артисты. Через полчаса в коридоре гостиницы появился бледный Казак. Он остановился у номера 7, где жили супруги Зайцевы, создатели эффектного номера «человек-арифмометр». Жена Зайцева писала по указанию зрителей восьмизначные числа на школьной доске,

установленной на эстраде, а сам Зайцев во фраке и в чалме по учёту «три» оборачивался, мельком прочитывал страшную комбинацию цифр и через несколько мгновений сообщал зрительному залу результаты умножения, деления и любого другого арифметического действия.

Казак в нерешительности стоял у дверей зайцевского номера. Из номера слышался голос супругов.

— Подсчитай, Коля, — говорила жена, — редиска — восемь пятьдесят, масло — девятнадцать, мясо — тридцать пять...

— Шестьдесят рублей, — отвечал Зайцев, ошибаясь на два с половиной.

В домашних расчётах Зайцев любил округлять цифры. Так он отдыхал от выступлений.

Казак вошёл в номер к Зайцевым. Через пять минут супруги были в курсе дела.

— Могут быть крупные неприятности, — сказал «человек-арифмометр», — и вам и Мамайскому. Это ясно, как дважды два — четыре, — добавил он не без кокетства.

— Слушайте, Николай Иванович, — взмолился Казак, — объясните мне вашу технику. Я надену ваш фрак. Эти товарищи из комиссии будут мне называть свои сумасшедшие цифры. Я их как будто помножу и назову любое число. Кто будет проверять?

— Вы ребёнок, — сказал Зайцев. — Они для того и приехали, чтобы проверить. Надо придумать что-нибудь другое.

— Что можно придумать?

— Подождите. Вы ведь Казак. Покажите вольтижировку, джигитовку...

— Вы напрасно шутите, — скорбно сказал Казак, — при чём здесь джигитовка? Я казак не по профессии. Я по фамилии Казак.

— Не знаю, что вам и посоветовать. Пойдите в десятый номер. Там живёт Матильда Прохорова с её группой дрессированных мышей.

— Это не выход.

— Почему?

— Потому что, во-первых, я боюсь мышей, а во-вторых, там уже сидит буфетчица Зина. Она тоже записана у нас как артистка.

— Тогда дело плохо. Может быть, вы зайдёте к два-Шарашкин-два. Они ходят по проволоке. До завтрашнего дня много времени.

— Я по земле еле хожу, а вы меня бросаете на проволоку. Если у вас такое весёлое настроение, я лучше уйду.

И Казак ушёл. Вернувшись домой, он задумался и наконец принял решение...

Фестиваль штатных артистических дарований начался в середине дня. На летней сцене стоял рояль. В первом ряду сидели члены комиссии и Мамайский с лицом, выражающим примерно следующее: «Что де-

лать, товарищи? Я же знал, что это конда-нибудь плохо кончится».

Председатель комиссии посмотрел на Мамайского и громко сказал:

— Начнём, пожалуй?

— Да, — ответил Мамайский.

Это было похоже на кадр из немого фильма: рот Мамайского открылся, но звука никто не услышал.

Первым на сцене появился конференсье, лысый человек с мягкими движениями конокрада. Рассказав аудитории анекдот, накануне вычитанный в потрёпанном комплекте журнала «Будильник», конференсье, провожаемый страшным взглядом Мамайского, скрылся, и на сцену выбежала баяетная пара.

Акомпаниаторша, не глядя в ноты и не сводя глаз с членов комиссии, заиграла «Пиччикато» Делиба, а солисты балета старший экономист Заикин и машинистка Клава Распопова с суетливостью транзитных пассажиров исполнили танец.

Впрочем, танцем это было назвать трудно. Это была чрезвычайно причудливая комбинация, напоминавшая одновременно французскую борьбу, сеанс гигиенического массажа и утреннюю зарядку.

После того как энергичный экономист не без изящества уронил примадонну, председатель комиссии сказал:

— Достаточно. Кто следующий?

Следующим выступил именуемый мастером художественного слова инкассатор Клюев. Бойко высвистывая букву «с», он исполнил стихотворение «Жди меня».

Казак не слушал выступлений своих коллег. Он нервно ходил по дорожке за сценой и распевался. Казак решил прорваться по линии вокала и пока репетировал, путая случайных прохожих звуками, по-кожими на лай самца-койота.

— Ваша очередь! — услышал Казак.

Он высоко поднял голову и стал подниматься по лесенке с видом человека, идущего на эшафот.

Когда Казак во фраке мальчижского размера и в жёлтых туфлях, носящих игривое название «верочкин

фасон», появился на сцене, Мамайский понял, что наступило время сдавать дела.

Казак посмотрел на членов комиссии слюдяными глазами, откашлялся, и лицо его вдруг приняло задумчивое выражение. В последний раз Казак пел в 1913 году на выпускном вечере в университете, причём нелишним будет заметить, что университет кончал не он, а его брат.

— «Быстры, как волны, дни нашей жизни», — объявил Казак и кивнул акомпаниаторше.

Казак запел.

Со сцены понеслись такие неслыханные звуки, что выдавшие виды члены комиссии дружно опустили глаза, а председатель их даже закрыл.

Мамайский смотрел на Казака взглядом факира, усмиряющего кобру. Но было уже поздно. С отчаянием человека, идущего на всё, Казак, едва закончив первое вокальное произведение, молодецки хлопнул в ладоши и неожиданно запел:

— «Эх, Дуня-Дуня-я, Дуня, ягодка моя!»

Обогащая рефрен чёткой, Казак бушевал на сцене. Он не слышал, как председатель комиссии обратился к Мамайскому, находившемуся в глубоком трансе:

— Картина ясная. На сегодня достаточно. Остальных посмотрим завтра.

Казак тем временем спустился со сцены и ушёл.

Он шёл через город в своём концертном одеянии, и люди осторожно уступали ему дорогу.

Наступила ночь. Участники второго тура готовились к завтрашнему испытанию.

Буфетчица Зина в номере у Матильды Прохоровой, дрожа от отвращения, репетировала с мышами.

Нотный библиотекарь Полубаков, названный в вежливости жонглёром, бодро бил посуду.

Город не спал.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Гардероб заменял ей книжный шкаф: по висевшим в нём платьям она читала историю своей жизни.

Она выпускала слова обоями по несколько десятков под ряд и умолкала только для того, чтобы перезарядиться.

Человек с тремя руками: две своих и одна в тресте.

Куклы в детском театре до того походили на всамделишных актёров, что подчас даже интриговали одна против другой.

На Минеральных Водах пил только кахетинское, а вернувшись, жаловался, что тамошние воды ему не помогли.

Увидев на море чайку, воскликнула:
— Совсем как в МХАТ!

Лицо её было кругло и гладко, как патефонная пластинка, на которой жизнь не сделала ещё ни одной записи.

М. ЯКОВЛЕВ

КТО ЖЕ ОТВЕЧАЕТ?

Рис. Б. ПРОРОКОВА

— Связь нашего министерства с местами растёт и ширится. В этом месяце мы не ответили на две тысячи семьсот писем больше, чем в прошлом.

Рис. А. КАНЕВСКОГО

— У нас уже «Пушкин» вышел, «Грибоедов» вышел, «Лев Толстой» вышел... А у вас?

Рис. В. ГОРЯЕВА

— Мы сейчас заняты опытами по внедрению морозоустойчивых сортов винограда в Заполярье.
— Ну, а соседнему колхозу вы помочь пытались?
— Нет, такими опытами мы не занимаемся.

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

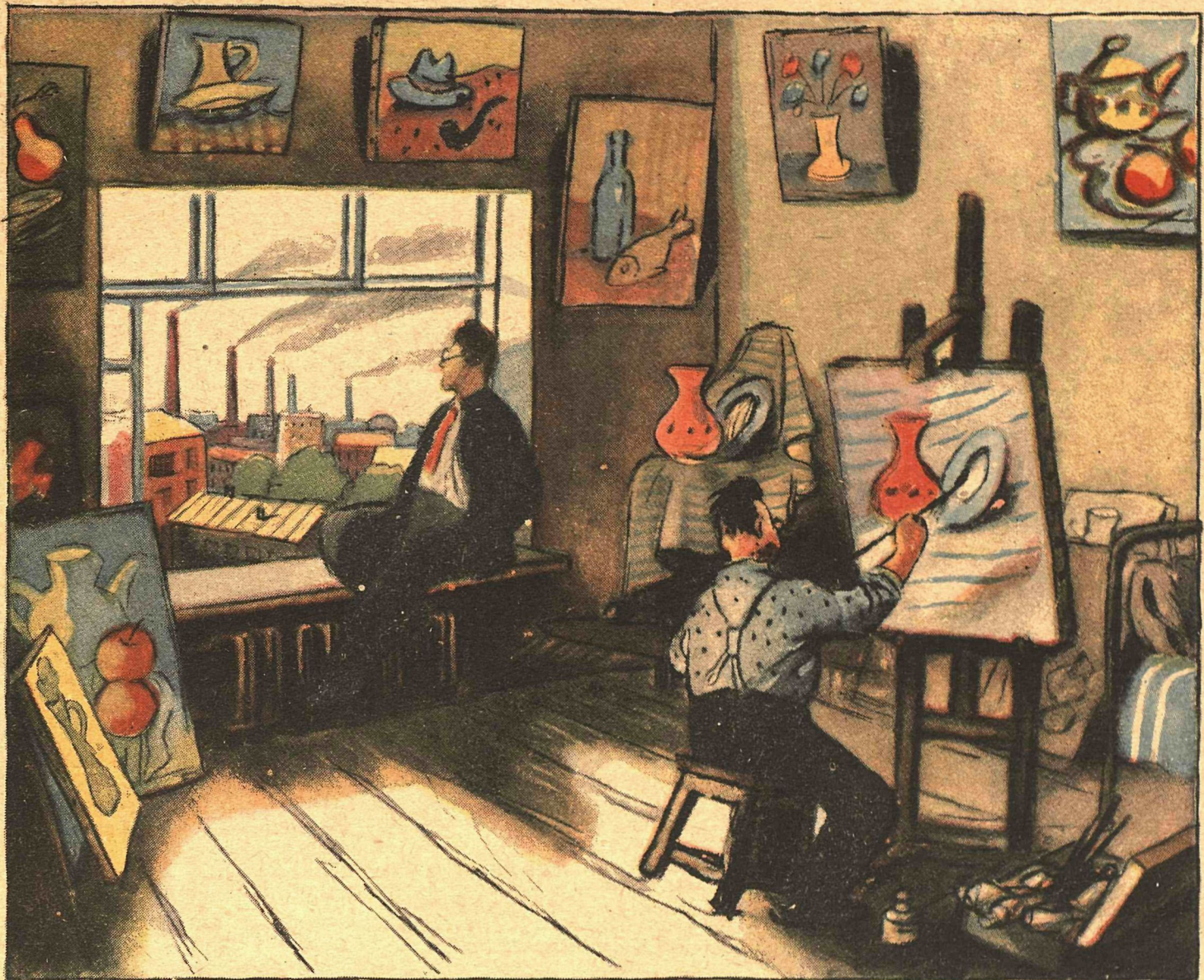
На вашем месте

Давайте условимся: вы — это мы,
А мы — это вы. Понимаете?
Вы напрягаете ваши умы
И что-то для нас сочиняете.
А мы открываем вот этот журнал,
Читаем вот это творение
И тихо, но так, чтобы каждый слышал,
О нём говорим своё мнение.

Представьте, что этот обмен совершён,
Вы приняли наше условие.
Вот только тогда, перечтя фельетон,
Судите о нём на здоровье.
Суждение ваше тогда, всё равно
Серьёзное или наивное,
Не будет пристрастным, а будет оно
Вполне, так сказать, объективное.

Так в жизни всегда, не сердясь, не грубя,
Отнюдь не теряя терпения,
Поставьте на место чужое себя,
Потом принимайте решение.

Ну, скажем, вы—Пред или, может быть, Зам
И кто-то приносит вам жалобы,
И жалобы эти поэтому вам
Скорей разобрать не мешало бы.
Тогда допустите, что жалобщик — вы,
А вы — это он. Понимаете?

- Какой прекрасный современный пейзаж!
- Это о каком пейзаже вы говорите?
- О том, который виден из вашего окна.

И вам не придётся ломать головы,
И вы головы не сломаете.
Вы сразу учтёте все «против» и «за»
И верное всё и неверное,
И примете, можно сказать, за-глаза,
Решение нелицемерное.

Допустим, вы — автор, который принёс
Сценарий, и в этом сценарии
Трактуются, скажем, важнейший вопрос,
Касающийся кулинарии.
Взгляните немедленно как режиссёр
На это изделие сценарное,
Тогда вы поймёте, прочтя этот вздор,
Что автор — явление бездарное.

Конечно, помочь вы готовы всегда,
Вы автора так не оставите,
И вы как соавтор, почти без труда,
Сценарий немного подправите.
Но вот вы не автор и не режиссёр,—
Вы зритель, как прочие зрители.
Тогда вы, скажите, на этот позор
Как зритель смотреть захотите ли?
Как зритель картину вы будете крыть!
Как автор — возьмётесь за новую.
А как режиссёр, вы начнёте валить
С большой головы на здоровую.

Допустим, что вы — расторопный завмаг,
Людей вы товаром снабжаете.
При этом себе вы особенных благ,
Ни с чем не считаясь, желаете.
Допустим, что вы через заднюю дверь
Не раз совершали хищения.
Попробуйте как потребитель теперь
Взглянуть на своё поведение.
Понятно, что вы, справедливость любя,
Раздумывать долго не станете,
А очень решительно сами себя
Сейчас же к ответу притянете.
За это вам скажет спасибо страна
И будут у вас почитатели.
Получит завмаг по заслугам сполна,
Получат товар покупатели.

Мы новую тему затронем сейчас,
Знакомую вам, разумеется.
Допустим, вы — строгий отец и у вас
Сынок непослушный имеется.
Ему вы читаете длинную речь:
Порядку, мол, учимся с детства мы,
Поэтому книги ты должен беречь
И нечего зря электричество жечь,
Ты должен считаться со средствами!..

Теперь поменяйтесь местами с сыном.
Вы — сын, он — отец. Понимаете?

На службу к отцу вы проникли тайком,
И что же вы там замечаете?
Вы видите, что для отца кабинет,
Как дивный музей, обставляется,
Что тут для него невозможного нет,
Что средствами он не стесняется.
Картины. Чернильницы из янтаря,
Альбомов большое количество...
Сидит в кабинете папаша, и зря
Горит у него электричество.
Вы сыну давали полезный наказ,
Судить не наказ нам приходится,
А вас персонально, поскольку у вас
Дела со словами расходятся.

Итак, мы условились: мы — это вы!
Мы так сговорились заранее.
И, не опасаясь досужей молвы,
Должны вам сказать на прощание:
Прочтя фельетон, мы находим, что он —
Явление большого значения,
Что мы... т. е. вы, написав фельетон,
Доставили нам наслаждение.
Прочтя фельетон ваш, мы видим, что в нём
Есть смысл и немало игривости.

Вот так поступайте асегда и во всём
Во имя простой справедливости.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ОГОРОД

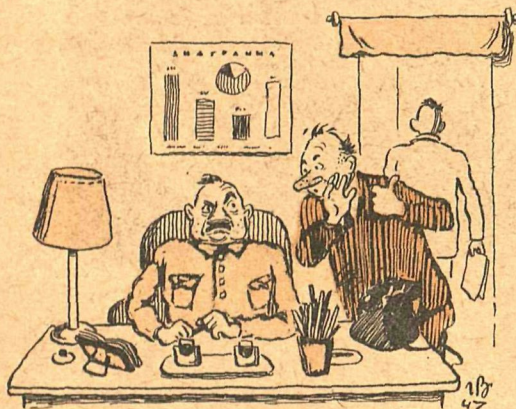
Рис. Г. ВАЛЬКА

Копает.

Копается.

Подкапывается.

ДВЕ НЯНЬКИ

Народная поговорка «У семи нянек дитя без глаза» нуждается в поправке. Штат в семь нянек чересчур громоздок, и его безболезненно можно сократить.

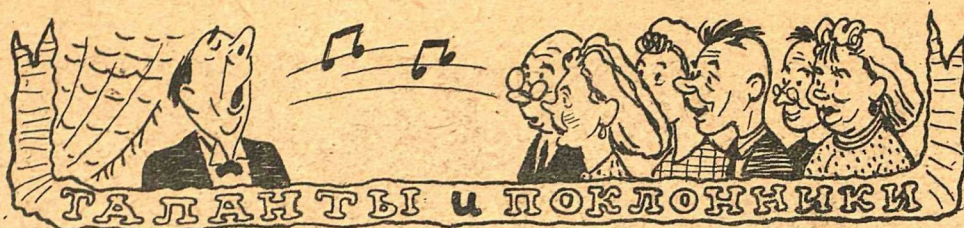
У Завьяловского колхоза, Кировской области, объявились две няньки: агрономический и животноводческий секторы куменского отдела сельского хозяйства. Оба составляют планы, оба предлагают колхозу эти планы выполнять.

Агрономический сектор предлагает колхозу к 1 января будущего года иметь 15 штук птицы, а животноводческий сектор полагает, что поголовье птицы в колхозе надо увеличить до 20 штук. Кого прикажете слушаться, ежели в колхозе уже сейчас имеется 22 птицы? Агрономы настаивают: «Доведите колхозное стадо овец до 10 штук!» Животноводы категорически требуют: «Овец в колхозах должно быть 23!» А колхоз ослушался своих районных нянек, и у него уже сейчас 33 овцы. Ослушался и опасается: «Не нагорит ли?»

Как видите, и двух нянек достаточно, чтоб голова пошла кругом.

Счетовод колхоза
Леонид Крутихин

д. Завьялово, Кировской обл.

Евг. БЕРМОНТ

УВЫ, УВЫ, НРАВЫ СМЯГЧИЛИСЬ...

ДРАМАТУРГ В. Гольдфельд написал пьесу «На океан». В этой пьесе имелось всё, что должно было прельстить Центральный театр транспорта. Изыскательная партия, отыскивающая в глухой тайге путь для будущей железной дороги, инженеры, геологи, радисты, консультант из Москвы, инструктор юбкома для идейной нагрузки, старый таёжник для романтики и старый эвенок для фольклора.

Не было в этой пьесе только одного: дыхания живой жизни и живых людей.

На премьере чеховской «Чайки» в Художественном театре критик Николай Эфрос вскочил на стул и, стоя в такой демонстративной позе, шумно аплодировал.

За всё время, что я хожу на премьеры, ни один современный критик ни разу не вскочил на стул.

Многим ценителям искусства не хватает порывистости. Они слишком благовоспитанны. По атмосфере, царящей в антрактах, иной раз не разберёшь: провалился спектакль или имел бешеный успех?

На первом представлении пьесы В. Гольдфельда «На океан» в Центральном театре транспорта все держали себя так чинно, точно шёл «Царь Фёдор Иоаннович».

Сидя в кабинете дирекции, гости, стараясь не глядеть в глаза автору и постановщику, с трудом выдавливали из себя вежливые фразы:

— А это у вас в пьесе очень правдивая ситуация. Муж, инженер, значит, за проект дороги, а жена, геолог, значит, против проекта. Весьма жизненно.

— Вы находите?

— Конечно. Жена же всегда против того, что предлагает муж.

— А мне очень понравилось оформление тайги, — цедит другой ценитель, известный режиссёр — Чувствуется девственность природы. И, заметьте, какая прекрасная фанера! Где вы достали такую фанеру?

— Представьте, на складе завалилась. Случайно нашли.

— Я же говорил тебе, что в этом спектакле есть настоящие режиссёрские находки! — радуется ценитель, адресуясь к дочери.

Юная дочь рдеет и не очень охотно соглашается:

— Да, конечно. Пьеса занятная, папочка. Только почему тут мало любви?

— Для транспортного театра любви вполне достаточно, — строго останавливает её отец. — Инженер Жилин любит Ольгу, дочь эвенка. Дочь эвенка любит инженера

Жилина. Инженер Дубравин любит свою жену Варвару Петровну, геолога. Геолог Варвара Петровна любит своего мужа, инженера Дубравина. Чего тебе ещё?

— Они как-то так любят, что ни им самим, ни публике от этого ни тепло, ни холодно.

— И не надо! Люди собрались на сцене для изыскательных работ, а не для любви. Шутка ли, все восемь картин проект ставят! Нам смотреть надо, а какого им составлять?

Какой-то тихий молодой человек вежливо замечает:

— Кстати, товарищи, конфликт с проектом разрешается в четвёртом акте, когда из Москвы прилетает профессор. Почему бы ему не прилететь в первом?

— А остальные три акта что делать? Слушать байки старого таёжника Дорошевича? И так тоска!

— Домой бы скорей пошла! — с робкой надеждой вздыхает молодой человек.

Некоторое время царит вялая тишина, какая бывает на похоронах. Потом дочь режиссёра говорит с юношеской непоседливостью:

— У Шекспира всё-таки любовь совсем какая-то другая.

— Шекспир стоял на более низкой ступени развития, чем Гольдфельд, — разъяснил кто-то из присутствующих.

— И у Льва Толстого другая!

— Лев Толстой — толстовец.

— И у Шолохова другая!

— Шолохов несценичен.

Весьма важный и толстый гость, деятель смежного искусства, от которого явно ждут благосклонного отзыва, долго и мучительно придумывает, что бы ему такое сказать, и наконец заявляет:

— А у меня такое ощущение, будто всё это я уже где-то видел.

— Где именно?

— Чорт его знает где! Везде. В самых разных пьесах.

— Но что именно вы видели? — настаивает директор.

— Всё. Эту липовую... То есть эту хвойную, девственную тайгу видел раз восемь. Этих девственных... то есть этих липовых, геологов видел раз пятнадцать. А этого старого пошляка-профессора видел буквально сто раз.

— Ну, а эвенка?

— И эвенка видел. Под другими названиями. То это был чукча, то кара-капак,

то горский еврей. Одним словом, мудрое и наивное дитя природы с акцентом.

Тут на помощь слишком уж разоткровенничавшемуся деятелю смежного искусства пришёл пожилой, поседевший в дискуссиях и застольной дипломатии критик:

— Видите ли, ваш спектакль имеет... э-э-э... синтетический характер. Он, так сказать, вобрал в себя всё худ... э-э-э... всё лучшее... э-э-э... вобрал в себя многие ситуации общего пользования, наиболее ходкие коллизии и конфликты, завязки, развязки и персонажи широкого потребления. Словом, всё, что наша драматургическая техника накопила за последние двадцать лет.

— Значит, вы утверждаете, что автор очень плохо знает жизнь?

— Боже упаси!—шугается пожилой критик.—Я только утверждаю, что автор очень хорошо знает плохие пьесы.

— Как говорит пословица: с пьесы по нитке — Гольдфельду «На океан», — неожиданно выпаливает кто-то.

Когда после спектакля все спустились в гардероб, мой спутник, человек склонный к размышлениям и обобщениям, меланхолически заметил:

— Странные явления можно наблюдать в природе. В системе Министерства трудовых резервов нет ни одного ремесленного училища для подготовки драматургов. А количество ремесленных пьес всё увеличивается.

Если бы на премьере в Центральном театре транспорта присутствовал критик с темпераментом покойного Николая Эфроса, он вскочил бы даже не на стул, а прямо на рампу и завопил бы благим матом:

— Караул! Спасите советскую тему! Ремесленники режут!

Увы, увы, театральные нравы смягчились!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ

ГЛАША

(АЛЕКСАНДР ЯШИН)

Путь-дорога, волок, да —
Стольный город — Вологда...
У Сухоны, у реки,
Заседают земляки.

Задымили козы ножки,
Помутился белый свет.
Бригадир одет в сапожки,
В канареечный жилет.

На дворе стоит апрель.
Собралась вся артель.

Без бумаги протокольной,
Как бывало, стариной,
Разговор идёт окольной
Вологодской стороной.

— Говорили в среду в рике,
В рике — это не шути! —
Будто нашей поварики
Лучше в мире не найти!

Слышал краем...

— А не врешь?

— Сами знаем:

Не найдёшь!

Варит кашу Глаша мило,
Ходит Глаша в кашемирах;
Несмотря на кашемир,
Кормит Глаша кашей мир!

Сваты велят друг за другом...

— Не такowskiе!..

— Отказ!..

Наша Глаша по заслугам
Премирована не раз:
У неё четыре шали,
Три коровы, два рояля...

Председатель смотрит вдаль:
Намекает на медали!

Иван МОЛЧАНОВ

ОДНАЖДЫ...

СОВСЕМ ПРОСТО

Однажды И. Е. Репин приехал в Париж, где тогда многие увлеклись новинкой того времени — фотографией. Заинтересовался ею и Репин. Накрывшись чёрным сукном, он попытался снять одного знакомого, но вскоре бросил это занятие.

— Да тут удушиться можно! — воскликнул художник. — И кому пришлось в голову изобрести этот ужасный аппарат, когда совсем просто можно нарисовать отличный портрет!

ДЛЯ БОЛЬШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Однажды Александр Дюма-отец, собираясь на прогулку в горы Сиерра-Невада, обратился к местному алькаду с просьбой дать ему охрану на случай встречи с разбойниками. Тот привёл ему двух испанских жандармов. Взглянув на них, писатель спросил шопотом алькада:

— А нельзя ли мне дать ещё пару разбойников?

— Это к чему же?

— Для большей безопасности от этих жандармов, — ответил Дюма.

НАКАЗАННОЕ ВЫСОКОМЕРИЕ

Однажды сын норвежского писателя Бьерн-стерна Бьернсона, находясь на пароходе, взшёл на капитанский мостик.

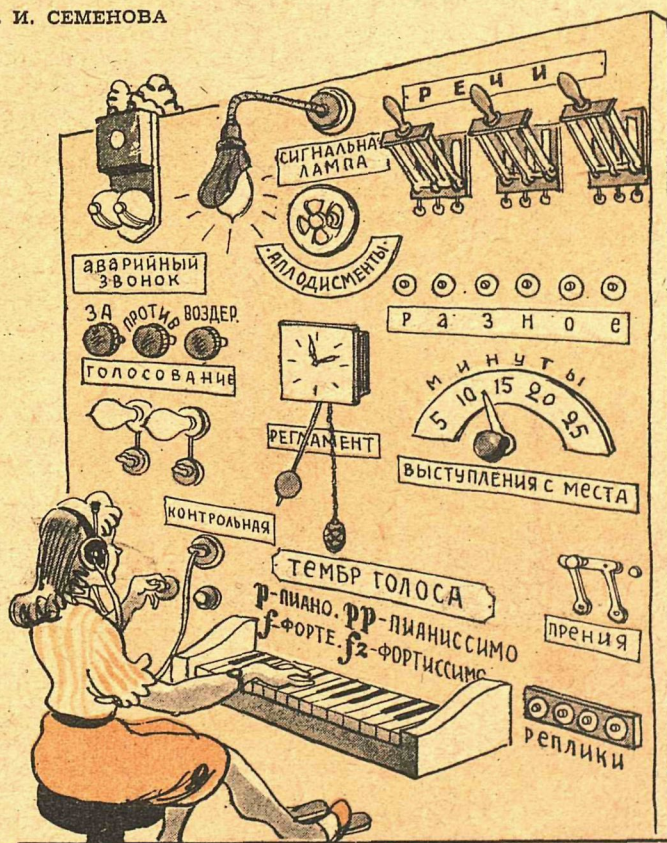
— Сюда посторонним вход воспрещён, — сказал ему капитан.

— Неужели нельзя и мне, сыну величайшего норвежского писателя? — высокомерно спросил молодой человек.

Едва улыбнувшись, капитан ответил:

— Извините, я этого не знал. Проходите, пожалуйста, господин Ибсен...

Рис. И. СЕМЕНОВА

Внимание заводоуправлений! Выпущен в продажу усовершенствованный автомат «Многозаседатель». Автоматически засекает во всех тех случаях, когда в заседании нет надобности. Освобождает начальников цехов, инженеров и мастеров от заседательской повинности и даёт возможность использовать освободившееся время для работы на производстве.

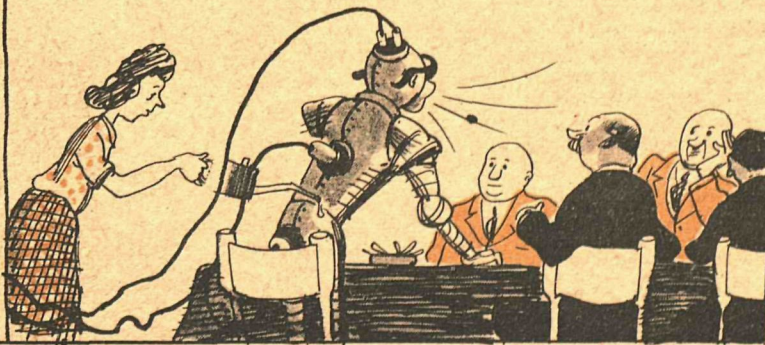
ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ

Одному из наших читателей (В. В. Иванову) захотелось узнать длину двух великих сибирских рек: Лены и Амура. За удовлетворением своей любознательности он обратился к авторитетным справочникам и почерпнул из них нижеследующее:

«В «Малой Советской энциклопедии» (2-е изд.) указано, что длина Амура — 4180 км, а Лены — 4600 км. В географии Баранского (изд. 1940 г.) Амур растянулся до 4478 км, а Лена сократилась до 4500. А в книге Н. Михайлова «Наша страна» Лене отведено на длину 4264, Амуру — 4354 км».

Огорчённый последовательным укорочением Лены, читатель просит: «Дорогой Крокодил, передай Лене, чтоб она поднажала и опять перегнала Амур!»

А Крокодилу незачем это делать: доводим до сведения В. В. Иванова, что на столбах «Большой советской энциклопедии» Лена уже удлинена до 5014 км!

— Когда же, наконец, мы поедем?
— Обождите, гражданин, и вагон требует смазки.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ХАРАКТЕР

В РУКАХ у него толстая папка. Рассказывая свою историю, он торопится, как будто боится, что его до конца не выслушают.

«...Я заведу Ивановской областной ветеринарно-бактериологической лабораторией. В Иванове меня во всех организациях преодлично знают. Если вы в моё дело вникнете, — тоже меня запомните. Не запомнить невозможно.

В 1929 году из нашей лаборатории уволился сотрудник тов. Лимоник. Вот я уже заметил, как вы в сторону посмотрели и взгляд у вас стал скучный. Я понимаю вас: восемнадцать лет назад уволили сотрудника из какой-то там лаборатории! Старенькое дельце и к бурной нашей современности никакого отношения не имеет. Нет, представьте себе, имеет.

Тов. Лимоник в помещении лаборатории оборудовал себе квартиру. Я вижу, вам ещё скучнее стало. Знаем, мол, мы эти квартирные тяжбы. Обращайтесь, дескать, в суд. Но о суде после, сначала о некоторых местных органах позвольте рассказать.

Первое решение о выселении Лимоника из лаборатории Ивановский городской совет вынес в 1931 году. Очень хорошее было решение. Одного в нём только не хватало: не было указано срока выселения. Прошёл год, второй, третий, четвёртый. Снова вспомнили о нашей лаборатории. На этот раз в дело вмешался облисполком. Вот, пожалуйста, почитайте, страница дела — сто третья:

«Для своевременного развёртывания работы лаборатории предложить в двухнедельный срок выселить тов. Лимоника, а Ивановскому горсовету подыскать ему другое жилое помещение».

А вот ещё решение. Страница дела — сто двадцать пятая. Это опять городской совет в 1937 году о нас вспомнил:

«В целях своевременного расширения лаборатории предложить тов. Лимонику освободить помещение».

Вы понимаете: в одном случае — «развернуть», в другом — «расширить», но обязательно — «своевременно».

Прошёл ещё год, два, три, четыре, пять. Как видите, нашу лабораторию не забыли. Читайте лист дела двести восьмой, триста пятый, триста восьмидесятый...

Я не преувеличиваю, но мне стало очень тяжело жить. Придётся, например, в областной земельный отдел по поводу лабораторного оборудования, а тебе кричат:

— Опять антилимоник пришёл!

Во время войны дело заглохло. Обождёмся, думаю, без расширения. Прожили десять лет — проживём ещё тридцать. Но начальство опять о нашей лаборатории вспомнило. На этот раз новую тактику применили. Создал облисполком в 1944 году специальную авторитетную комиссию из разных лиц — врачей, милиционеров и даже почему-то из пожарников.

Вы же знаете, зачем в таких случаях комиссии создаются: акт составить. Составили и передали облисполкому. Исполком — опять решение. Вот, смотрите, лист дела — четыреста пятый:

«Отметить, что исполком Ивановского городского совета до сих пор не выполнил решения облисполкома о выселении тов. Лимоника от 31 мая 1935 года...»

Видали? Через девять лет надумали «отметить». Дальше читайте, дальше:

«Учитывая, что проживание семьи тов. Лимоника в лаборатории, где производятся бактериологические анализы, является

опасным для жизни, предложить горсовету в пятнадцатидневный срок предоставить тов. Лимонику новую жилую площадь».

Это решение показали Лимонику:

— Неужели тебе не страшно в этом доме жить?! Бруцеллёз, сибирская язва, сиф...

— Ничего, шестнадцать лет прожил! Детей вырастил. Бог миловал.

Через год наше дело снова в облисполкоме разбиралось.

Председатель тов. Шубин, как услышал фамилию Лимоника, побелел весь.

— Когда же, — говорит, — это мрачное дело кончится?

В августе 1946 года облисполком постановил:

«В связи с тем, что семья тов. Лимоника имеет в городе Иванове собственный дом, отменить все предыдущие решения по предоставлению Лимонику другой жилой площади и выселить его в административном порядке».

Вы думаете, это — всё? Я вижу, что вы устали, но уже будьте так добры, выслушайте меня до конца. Я коротенько всё доскажу: как областной прокурор тов. Ушканов санкционировал административное выселение, как Лимоник пошёл в контратаку, как его поддержал зам. прокурора РСФСР тов. Веляев, отменивший санкцию областного прокурора.

Ну, вот, кажется, всё. Лимоник до сих пор живёт в лаборатории. Вы не подумайте, что я что-нибудь лично против него имею. О, нет! Я им восхищаюсь. Восемнадцать лет такую осаду выдержать! Железный характер у товарища, кремь!

Арк. ВАСИЛЬЕВ

КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР

Можно искренно позавидовать вологодцам: для них больше не существует проблемы, как культурно провести время. Стоит купить местную газету «Красный Север», внимательно её прочитать — и всё будет в порядке. Но на это нам могут резонно возразить, что для культурного времяпровождения существуют и другие, не менее интересные газеты. Совершенно верно. Но ни в одной газете, кроме «Красного Севера», вы не встретите такого объявления:

ОСОБРЕСТОРАН «СЕВЕР»
ОТКРЫТ С 10 ЧАСОВ УТРА ДО 1 ЧАСА НОЧИ.
ГРАЖДАНЕ, ЖЕЛАЮЩИЕ КУЛЬТУРНО ПРОВЕСТИ ВРЕМЯ, МОГУТ ПОЛУЧИТЬ ВКУСНЫЙ ГОРЯЧИЙ ОБЕД И УЖИН.
ИМЕЮТСЯ ХОЛОДНЫЕ И ГОРЯЧИЕ ЗАКУСКИ.
В БОЛЬШОМ АССОРТИМЕНТЕ КОНДИТЕРСКИЕ ИЗДЕЛИЯ, ВИНОГРАДНЫЕ ВИНА, ПИВО И ОСОБАЯ МОСКОВСКАЯ ВОДКА.
ИГРАЕТ ДЖАЗ-ОРКЕСТР.

Вот и всё. А мы по наивности думали, что культуру следует искать в библиотеках, театрах, кино, музеях, в то время как она отпускается ежедневно в большом ассортименте от 10 часов утра до 1 ночи в ресторане «Север».

Я ЗЫК ЦИ Ф Р

Очень часто бывает, что за сухими цифрами не видно биения живой жизни. Ну что, например, говорит число 20.000. Ничего. Двойка с четырьмя нулями. А между тем 20 000 — это та сумма, которая была ассигнована на постройку в Идре (Красноярский край) гидроэлектростанции.

В связи с этим мы вынуждены утомить внимание читателей ещё несколькими цифрами. Вот они: 1910, 1012, 2000, 1965. Что кроется за ними? О, очень много! Каждая из них достойна быть отмечена нашим скромным пером.

Например 1910 рублей истрачены на пышный банкет для районных работников и описаны потом по графе: «Питание рабочих, занятых на постройке плотины». 1012 рублей взяты таким же путём на ремонт исполкомовской автомашины. На 2000 рублей приобретена мебель для квартиры председателя исполкома. 1965 рублей не без пользы израсходованы на командировку за электрооборудованием, и на них приобретено 20 метров верёвки.

Все эти сверхсрочные траты, естественно, не способствовали быстрейшему окончанию строительства, и оно до сих пор пребывает в девственном состоянии. Но идринских строителей это мало волнует. Они думают о том, как интереснее израсходовать остаток ассигнований.

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Существует изречение: «Книги имеют свою судьбу». Вот какая судьба постигла книги Курской железнодорожной библиотеки, получившей за хорошую работу переходящее Красное знамя и две почётных грамоты:

«Одному из начальников Курского ж.-д. узла потребовалась квартира. Под квартиру освободили помещение билетной группы, группу переселили в помещение библиотеки, а книги — семь тысяч — свалили в крохотную комнатушку. Библиотека не работает уже более месяца».

Добавить к вышеизложенному, казалось бы, нечего. Но Крокодил всё-таки придумал, что добавить. Две фамилии: начальника отделения дороги (Чавчанидзе) и председателя райпрофсоюза (Ларин).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подлинная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва.

Изд. № 346.

Подп. к печати 22/IV 1947 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½.

Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А — 01497

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Тираж 150.000 экз. Заказ № 1427

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Только узкий круг знал до 1944 года гр. Веремева. Но зато в качестве прораба строительства мастерских он стал известен тем, что за два года выполнил 3 (три) процента намеченных работ и в значительной степени разрешил разбазарил строительные материалы.

Веремева сменил Пилико. Проработал Пилико всего год, но и за этот короткий срок он стал известен тем, что похитил изрядное количество продуктов и исчез в неизвестном направлении.

На смену Пилико пришёл Мамонтов. Мамонтов продержался всего 8 месяцев, но и за этот срок он успел приобрести известность своими ловкими махинациями.

Итого за 3 года план восстановления мастерских выполнен на 9 процентов, или на 25 тысяч рублей. За это же время прорабы получили 32 тысячи рублей зарплаты плюс самую широкую известность.

Неизвестно лишь, сколько они за три года разворовали государственных средств, материалов и продуктов. И это обстоятельство, естественно, омрачает отмечаемый нами юбилей.

С. ЗВАНЦЕВ.

Ростов на Дону.

Уважаемый Крокодил!

Мордовская республиканская контора «Тракторсельмашбыт» ввела новую систему распределения запасных частей. Вместо громоздких заявок и разрядок, утверждённых Министерством сельского хозяйства и председателем Совета министров Мордовской АССР, введена широкая практика записок. Эффект от этого нововведения получился колоссальный: в короткий срок контора «Тракторсельмашбыт» добилась недостачи запасных частей на 100 тысяч рублей.

Учитывая эти достижения, предлагаю «Тракторсельмашбыт» переименовать и впредь называть «Тракторсельмашбытзаписка».

БАЛАБАЕВ,
заместитель уполномоченного Госплана СССР по МАССР.

г. Саранск.

Дорогой Крокодил!

Загадочное происшествие произошло недавно в нашем районном центре. Сюда было доставлено 76 килограммов мёда. Естественно было ожидать, что он поступит в торговую сеть для продажи населению. Но почему-то мёд попал на квартиру заведующего сельхозотделом райисполкома тов. Чумакова, почему-то функции продавца взяла на себя достопочтенная супруга этого зава и почему-то покупателям дано было понять, что получение мёда является строежайшей тайной.

В связи с этим событием возникают два недоуменных вопроса:

1. Всегда ли товары будут продаваться тов. Чумаковым или эту нагрузку возьмут на себя и другие руководящие товарищи?

2. Помнит ли председатель райисполкома тов. Чеботарёв выступления ораторов на районной партконференции в ноябре прошлого года, критиковавших его, Чеботарёва, за то, что он растаскивает колхозное добро и бесконтрольно забирает из местных магазинов нормированные товары?

С. БРЕХОВ,
секретарь комсомольского РК ВЛКСМ ст. Сергиевская, Сталинградской обл.

Уважаемый Крокодил!

Широкая общественность и не подозревает о том, что наднях исполнилось три года с того дня, как началось восстановление мастерских лучшей в Ростовской области Шентуховской МТС. А между тем этот юбилей должен быть отмечен хотя бы потому, что он доставил известность трём лицам, дотоле оставшимся в тени.

Дорогой Крокодил!

Большое внимание беременным женщинам оказывает главный бухгалтер сетевого района «Дальэнерго» Варфаламеев. Всемерно заботясь о здоровье будущих матерей, он считает, что им побольше нужно быть на воздухе и поменьше — на службе.

Твёрдо проводя этот принцип в жизнь, бдительный Варфаламеев требует при поступлении на работу врачебные справки от женщин, что они не беременны. И будь уверен: ни одна женщина, заподозренная в беременности, в бухгалтерию «Дальэнерго» не проникнет.

Вот так вносит свою скромную лепту в дело охраны материнства и младенчества главный бухгалтер Варфаламеев, не требуя за это ни похвал, ни наград.

Т. КРОХАЛЕВ

г. Владивосток.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В связи с опубликованным в № 4 Крокодила фельетоном «Ещё раз к вопросу о весне» редакция получила следующее письмо:

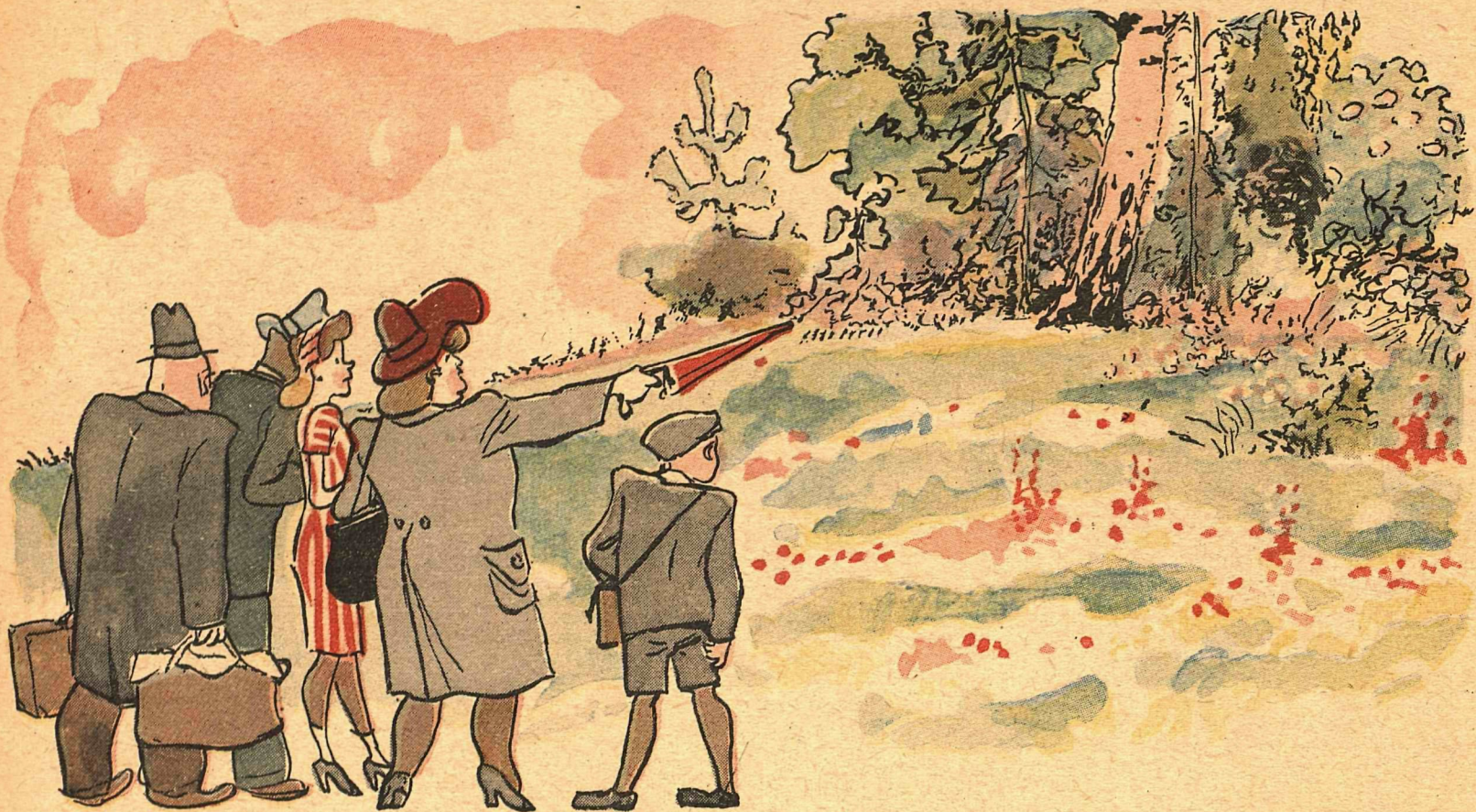
«Фельетон «Ещё раз к вопросу о весне» совершенно правильно критикует неудовлетворительную работу Владимирского тракторного завода и плохую отгрузку тракторных запасных частей на Сибзаводе».

Коллегия Министерства сельскохозяйственного машиностроения Союза ССР специально обсудила вопрос о плохой работе Владимирского завода и издала соответствующий приказ.

По вопросу скорейшей отгрузки запчастей руководством Министерства и Главного управления были даны указания директору Сибзавода тов. Суренян немедленно принять решительные меры к форсированной отгрузке и довести остаток на складе завода, не превышающий трёхдневный выпуск завода, что и было заводом сделано.

Заместитель министра сельскохозяйственного машиностроения Союза ССР

П. ПАРФЕНОВ.

— Как красиво! Давайте здесь посидим...

...И посидели.